

Н И Г Е БОЛЬШОМУ ЧЕРТЕЖУ 350 лет

«Книга Большому Чертежу» (1627) принадлежит к числу интереснейших памятников русской письменности. Ее появление объясняется назревшей необходимостью в элементарных географических картах (чертежах) и тесно связано с развитием практической отечественной картографии. Известный советский географ Д. М. Лебедев в работе «Очерки по истории географии в России XV—XVI веков» (М., 1956) отмечает: «Необходимость учета... земельных площадей и военные нужды должны были стимулировать в XIII—XIV веках составление элементарных рукописных „чертежей“ тех или иных местностей».

В литературе встречаются многочисленные указания на широкое использование «чертежей» при составлении карт как русскими, так и иностранными картографами XV—XVI веков. К сожалению, ни один из «чертежей» XIII—XIV веков до нас не дошел (см.: Б. А. Рыбаков. Русские карты Московии XV—начала XVI вв. М., 1974). Кроме этого, в распоряжении ученых имеются авторитетные данные о первой русской оригинальной карте Московского государства — «Большом Чертеже», составленном в последней четверти XVI — начале XVII века на основе двух «чертежей» — «старого» и «нового». Ни «Большой Чертеж», ни источники, по которым он был составлен, не сохранились. Возможно, они сгорели во время пожара Москвы в 1626 году или были утрачены по каким-либо другим причинам. Подробно об этом рассказывают Ф. А. Ши-

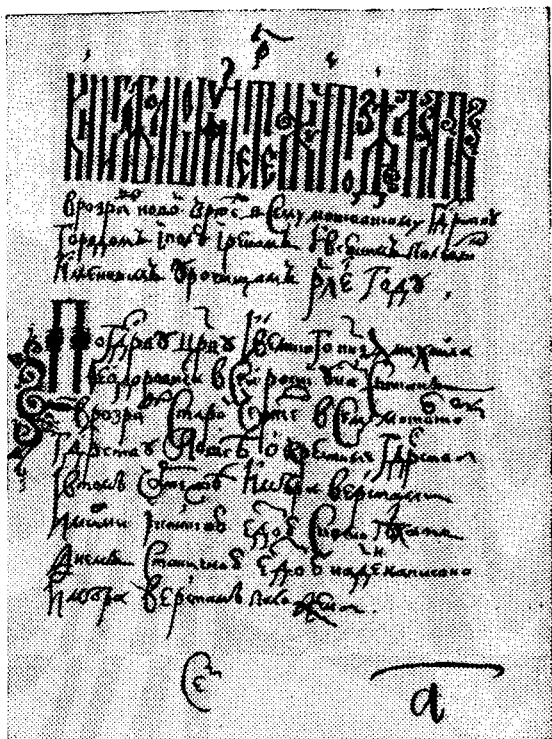
банов в работе «„Большой Чертеж“, или первая оригинальная русская карта Московского государства» (Вестник МГУ, 1947, № 5) и Б. П. Полевой — «Новое о „Большом Чертеже“» (Известия АН СССР. Серия географическая, 1967, № 6).

В связи с этим неоспоримо возрастает значение «Книги Большому Чертежу» — единственного дошедшего до нас памятника, не только доказывающего существование на Руси самих «чертежей» (и «Большого Чертежа»), но и конкретно отражающего содержание последнего. Становится понятным само название памятника, данное в форме дательного падежа принадлежности: «Книга Большому Чертежу» была составлена прежде всего в качестве своеобразного рукописного указателя географических названий, содержащихся на карте «Большой Чертеж».

Но не только этим определяется значение памятника для современной науки. Составление «Книги Большому Чертежу» относится к числу важных общегосударственных мероприятий, направленных на обеспечение обороны и безопасности границ Русского централизованного государства XVII века. Станичная, сторожевая, посольская и другие службы не могли быть организованы без наличия достоверной картографической документации, без сведений о наличии в разных географических зонах пресной, питьевой воды, о точных расстояниях между городами, о татарских перевозах и перелазах и многого другого.

Не случайно поэтому, что в начале XVII века государственная администрация утвердила работы Разрядного приказа, тогдашнего военного ведомства, по обновлению карт и других практических пособий. Первые строки «Книги Большому Чертежу» свидетельствуют именно об этом: «По государеву царёву и великого князя Михаила Феодоровича всеа России указу сыскан в Розряде старои чертеж всему Московскому государству по все окрестные государства, и в том чертеже и мера верстами, и милями, и конскою ездою, сколько ехать днем станичною ездою на день, написано, и мера верстами положена. И тот старои чертеж ветх, впредь по нем урочищ смотреть не мочно, избился весь и развалился. А зделан был тот чертеж давно при прежних государех. И в Розряде дьяки, думной Федор Лихачев да Михаило Данилов, *велели*, примерясь к тому старому чертежу, в тое ж меру зделать новой чертеж всему Московскому государству по все окрестные государства».

Кроме обновления картографических материалов, были даны указания на повторное или новое составление описаний (рописей) к этим картам, на основании которых впоследствии могло быть составлено множество копий. «Книга Большому Чертежу» фактически и является такой росписью, составленной в Разрядном приказе в 1627 году подьячим А. И. Мезенцевым. Ему, очевидно,

«Книга
Большому
Чертежу».
Первый лист
369 списка

и велели составить «новый чертеж» (Большой Чертеж?) и сделать к нему роспись, то есть «Книгу Большому Чертежу». В челобитной А. И. Мезенцева читаем: «... в нынешнем во 136 году сентября в 12 день в Разряде я... большой чертеж зделал и мне... государевы дьяки велели чертежам, что я... зделал против старого чертежу морю и рекам и городом и зделати роспись и по росписи чертежи справить».

Долгое время считалось, что памятник не имеет автора. Сравнительно недавно благодаря архивным материалам, впервые полностью опубликованным, Г. А. Хабургаеву удалось доказать авторство А. И. Мезенцева (см.: Г. А. Хабургаев. Заметки по исторической фонетике южновеликорусского наречия. Ученые записки МОПИ, 1966).

По своему содержанию «Книга Большому Чертежу», возможно, несколько шире «Большого Чертежа», поскольку при ее составлении могли быть использованы и другие источники: писцовые

книги, данные генерального межевания, полевые опросы местного населения и т. п. В пользу такого предположения свидетельствует само содержание памятника, в котором сведения стратегического характера (указание расстояний между объектами, их подробная физико-географическая характеристика и др.) сочетаются с историческими и этнографическими сведениями. Из «Книги Большому Чертежу» наши далекие соотечественники могли узнать, например, что в Средней Азии «... на реке на Угус город Каган, живет в нем Юргенского царя брат». Или: «Близъ тоя обители [монастырь в подмосковном Новом Иерусалиме] окрест и вдале учинены многие веси и наречены имены по образу древняго Иерусалима яже есть: Иордан, Елеон, Фавор, Вифиния, Рама, Вифлием, Самария, Сидон, Назарет, Капернаум, Галилея». Такое богатое и оригинальное содержание обусловило дальнейшую судьбу памятника.

В течение XVII века «Книга Большому Чертежу» широко используется как своеобразная маршрутная карта («дорожник») Разрядного приказа для «государевой службы посылок». Следует отметить, что подобные «дорожники» применялись и для организации почтовой службы. Один из таких «дорожников» XVII века был найден П. Г. Бутковым, опубликовавшим в журнале Министерства внутренних дел его текст (СПб., 1840). Интересно, что П. Г. Бутков обнаружил определенное сходство между этим указателем и «Книгой Большому Чертежу», что подтверждается названием его работы «Три статьи, присоединенные к книге Большаго Чертежа России, ... о разстоянии от Москвы главных городов, иностранных и всех Русских».

Начиная с XVIII века, а возможно и раньше, общий интерес к памятнику заметно растет. Это объясняется утратой «Большого Чертежа», равнозначным вариантом которого становится «Книга Большому Чертежу». Поэтому впоследствии возникло смешение самой «Книги Большому Чертежу» с картой «Большой Чертеж». Сравним, например, название 2-го издания памятника: «Книга Большому Чертежу, или Древняя карта Российского Государства, поновленная в Розряде и списанная в книгу 1627 года» (СПб., 1792).

Интерес к памятнику растет и благодаря наличию в нем самых разнообразных сведений. Поэтому «Книгу Большому Чертежу» начинают рассматривать как своеобразную историко-географическую энциклопедию. Иногда ее отождествляют с распространенными в XVII—XVIII веках землеописаниями (или космографиями) и даже называют «малой космографией». Неудивительно, что памятник известен в многочисленных списках, часть из которых содержит разнообразные пометы и записи. Это свидетельствует

о том, что «Книгой Большому Чертежу» пользовались люди, находившиеся на государственной службе, а также и все те, для кого она являлась просто интересной книгой для чтения.

Прошло более ста лет, прежде чем в 1768 году памятник был открыт для науки крупнейшим ученым и общественным деятелем XVIII века В. Н. Татищевым и введен им в число важных исторических источников (История Российская... М., 1768). В течение XVIII—XIX веков «Книга Большому Чертежу» неоднократно издавалась: Н. И. Новиковым (СПб., 1773), А. И. Мусиным-Пушкиным (СПб., 1792), Д. И. Языковым (СПб., 1838), Г. И. Спасским (М., 1846). Причем каждый издатель считал своим долгом указать на непреходящую ценность памятника и снабдить его необходимыми примечаниями. Поэтому указанные издания наряду с самим текстом «Книги Большому Чертежу» содержат интересные толкования некоторых географических названий (топонимов) и терминов.

Памятник с исчерпывающей полнотой фиксирует топонимическую и нарицательную (апеллятивную) лексику древнерусского языка XVI—XVII веков, что представляет большой интерес для языковедов. Примечательно, что одним из первых на важность изучения топонимического содержания памятника указал известный историк русского языка академик Ф. И. Буслаев. Он отмечал: «Для истории языка эта книга важна, как по географическим собственным именам, так и по различным выражениям, употребленным... при описании местностей» (Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. М., 1861).

В памятнике представлено почти две тысячи топонимов, более тысячи из них — гидронимы (названия водных объектов). Это понятно, ведь «Книга Большому Чертежу» имеет ярко выраженный гидрографический характер, что связано с описанием территории Московского государства, проведенным в основном по крупнейшим рекам — главным путям сообщения того времени. Не случайно памятник впервые был издан под названием «Древняя Российская Идрография...» (СПб., 1773). Гидрографический характер при описании каждого района, и в особенности европейского севера России, последовательно выдержан в «Книге Большому Чертежу» и является определяющим.

Именно этим обусловлено обилие нарицательной лексики, связанной с большими водными системами и представляющей несомненный интерес для исторической лексикологии. Данные памятника помогают вполне четко определить сдвиги в значении некоторых гидрографических терминов. Рассмотрим это на примере древнерусского слова *колодезь* (колодец), трудность толкования которого

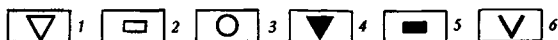
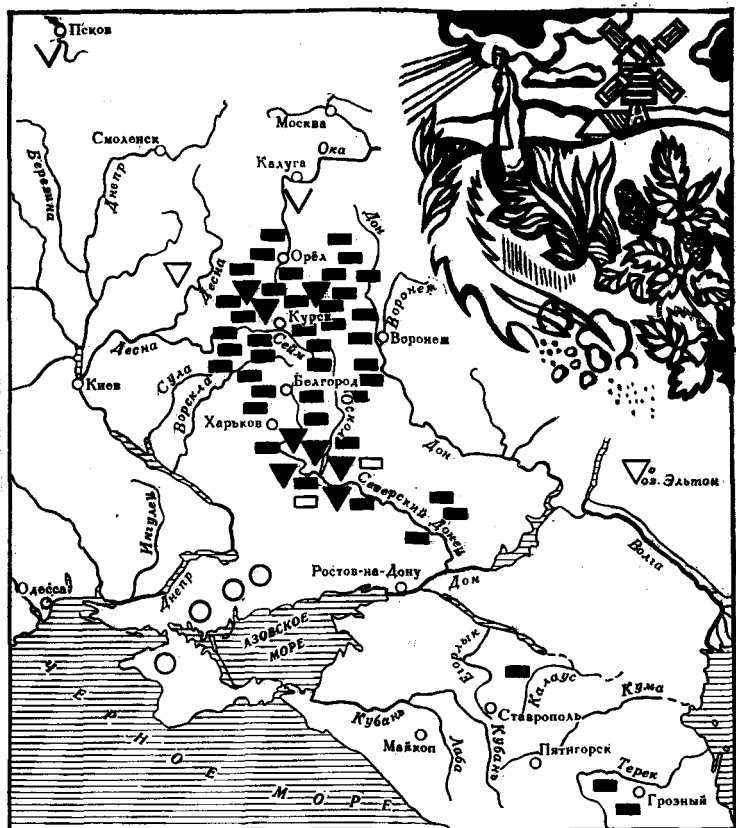
уже отмечалась в лингвистической литературе (см.: В. А. Никонов. Ручей — Ключ — Колодезь — Криница — Родник. — Материалы и исследования по русской диалектологии. М., 1961). Географический термин *колодезь* широко представлен в восточно- и южнославянских языках (белор. *калодзеж, калодзець* 'источник'; укр. *колбдязь* 'колодец'; болг. *кладенец* 'источник, колодец'; сербск.-хорв. *кладенац* 'источник, колодец' и т. д.) и совсем не встречается в западнославянских языках. В современном русском литературном языке известно только одно значение данного термина, обычно приводимое в толковых словарях: *колодец* — 'яма, защищенная от обвалов срубом и служащая для добывания воды' (17-томный Словарь современного русского литературного языка). Между тем «Книга Большому Чертежу» дает интересные примеры на разнообразное употребление этого термина в древнерусском языке XVI—XVII веков.

Во-первых, *колодезь* — 'естественный источник, родник': «Стародуб стоит у родника-колодезя, а реки под ним нет». В составе гидронимов данный термин в указанном значении представлен всего семью названиями, например, «А ниже Ба[лы]клеи Каменной колодезь, от Балыклеи верст з 12»; «Теплой колодезь на Московской дороге, от Курска 40 верст» и т. д.

Во-вторых, *колодезь* — 'ручей, небольшая река, вытекающие из естественного источника'. Данное значение, безусловно, связано с первым и возникло на основе его расширения: «Роспись реке Донцу, и рекам и колодезям, которые... в реку в Донец с Крымской и с Нагайской стороны пали». В этом значении слово присутствует в составе 43 гидронимов: «Через дорогу течет в Мечю колодезь Гоголь...»; «В речку в Пселец из горы течет Гремячей колодезь» и др.

Сходное развитие значений ('источник' > 'ручей') имеет и слово *ключ*, представленное в памятнике всего двумя примерами: «... город Избореск стоит на Словенских ключах» > «з горы под монастырем в реку текут великие ключи...».

Наконец, слово *колодезь* известно в «Книге Большому Чертежу» в третьем значении — 'искусственный источник, копанный' и представлено только примерами нарицательного характера: «по обе стороны дороги, деревни татарские, а воды копанья колодези, а рек нет»; «а в Молочных Водах вода солоная же, а копаные колодези есть». Данные примеры показывают, что первоначально значение 'искусственный источник' заключалось не в самом слове *колодезь*, а в определении к нему — *копанный*. Однако с течением времени соотношение между компонентами в словосочетании *копанный колодезь* изменяется: значение сосредотачивается уже только на определении — *копанный*, а все словосочетание в целом стягивается в одно слово — *копань*. Интересно, что и в настоящее время распро-

*Распространение апеллятива колодезь по данным «Книги
Большому Чертежу»*

1. «природный источник»; 2. «ручей, река»; 3. «искусственный источник»;
4. Названия природных источников; 5. Названия ручьев, рек; 6. Аппел-
лятив ключ

странено данное значение слова *колодезь* в украинском и белорусском языках, а также в части примыкающих к ним южновеликорусских говоров. Однако лексическое выражение этого значения может быть различным. Ср. укр. *копанка* — «яма для воды; расчищенное под посев место в лесу», *копань* — «небольшой пруд». Белор. *копанка* — «яма с водой, небольшой пруд». Аналогичное явление наблюдается в говорах Смоленской области, где искусственно сде-

ланный колодец или небольшое озерцо обозначают словом *копань*, *копанка*. Писатель П. П. Дудочкин, смолянин родом, в статье «Живые алмазы России» вспоминает: «На моей памяти отец с дедом расчистили лопатой водяную жилу..., получилась ямка-копанка аршинной глубины, потом поставили тут дубовую кадку без днища, с деревянными обручами. Получился незаплывающий колодец» (Ветер странствий. Альманах. Вып. 11. М., 1976). Распространение слова *колодезь* по данным «Книги Большому Чертежу» возможно представить картографически (см. карту).

Таким образом, даже единичные примеры убеждают в необходимости учета и использования ценных данных «Книги Большому Чертежу» для историко-лексикологических разысканий. Кроме этого, памятник интересен еще и тем, что сохранил для нас первоначальное значение многих географических терминов, теперь вышедших из употребления, например: *гирло* — ‘устье, рукав реки; морской пролив’. Материалы «Книги Большому Чертежу» позволяют точнее датировать первое употребление некоторых географических терминов в процессе формирования языка русской географической науки. Так, например, памятник показывает, что употребление слова *верховье* как термина практической географии относится уже к первым десятилетиям XVII века. Анализ содержания «Книги Большому Чертежу» свидетельствует о достаточно развитой к XVII веку системе гидрографической терминологии. Среди таких терминов встречается и *верховье*: «А река Десна вытекла от Дорогобужа, *верховьем* вязалась с рекою Угрою»; [Малая Балыклейка] «впала с правой стороны, а *верховьем* вязалась выше Балыклеи» и др. В этой связи представляется не совсем точным утверждение о том, что «с 30-х гг. XVIII в. в географической литературе начинается распространяться новый термин... — верховье реки» (Л. Л. Кутина. Формирование языка русской науки. М. — Л., 1964). Очевидно, это не было началом распространения нового термина, поскольку употребление слова *верховье* в качестве термина практической географии было известно в русском языке, как показывают приведенные примеры, уже в XVII веке, а по отдельным памятникам — в XII—XV веках (См.: Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1975).

«Книга Большому Чертежу» давно и прочно вошла в число обязательных источников при создании больших лексикографических произведений, таких, например, как выходящий сейчас «Словарь русского языка XI—XVII вв.» (М., вып. 1—4, 1975—1977). Материалами памятника охотно пользовался М. Р. Фасмер, иллюстрируя и доказывая ими происхождение некоторых географических

названий в своем Этимологическом словаре русского языка, например, этимологию гидронима *Нева*. Многие другие исследователи продолжают использовать данные «Книги Большому Чертежу» в работах самого различного характера.

Несмотря на широкое и активное использование памятника в течение длительного периода времени, мы, к сожалению, пока не располагаем обстоятельным комментарием к нему, не выполнено и топонимическое исследование «Книги Большому Чертежу». Все это предстоит сделать в ближайшем будущем.

Со времени создания «Книги Большому Чертежу» прошло 350 лет, и до сих пор этот ценный памятник продолжает оставаться важным источником изучения истории русского языка, истории Русского государства.

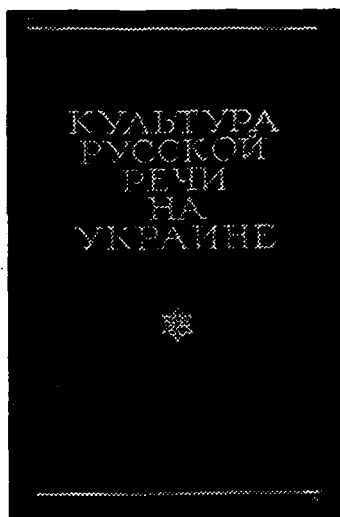
А. В. БАРАНДЕЕВ

СРЕДИ КНИГ

«КУЛЬТУРА РУССКОЙ РЕЧИ НА УКРАИНЕ»

Важная особенность современного русского языка — его использование вне собственно русской национальной среды. По-русски говорят десятки миллионов советских людей нерусских национальностей, а в последние десятилетия и миллионы людей в зарубежных странах. У этого факта много следствий, но читателям журнала «Русская речь», ревнителям русского языка интереснее всего, несомненно, знать, безразличен ли он для судьбы самого русского языка, как сказывается на его прогрессе, чистоте и самобытности?

Вопрос о жизни русского языка в иноязычной среде привлекал к себе внимание многих исследователей. Еще в дооктябрьский период им занимались А. А. Александров, В. А. Богородицкий, К. П. Зеленецкий; его разрабатывают и многие советские ученые: М. Г. Булахов, В. П. Григорьев, Ю. Д. Дешериев, М. И. Иса-

ев, Г. А. Махароблидзе, М. М. Михайлов, И. Ф. Протченко и другие. Однако нигде не было пока столь глубокой и комплексной разработки, как в книге «Культура русской речи на Украине» (отв. редактор Г. П. Ижакевич. Киев, изд-во «Наукова думка», 1976), написанной большим коллек-